

БИТВЫ ЗА ПОБЕДУ В БИТВАХ: ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ СИМВОЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РАМКАХ ВОЕННО-ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

И.В. Степанов*

ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет»,

г. Самара, Россия

E-mail: stivan1981@mail.ru

***Аннотация.** Статья посвящена критическому анализу взглядов представителей военно-исторического и военно-теоретического дискурса на предмет определения исхода сражений и их последствий. Особое внимание уделено прояснению роли военных побед для формирования символического поля государственно-национальной идентичности.*

***Ключевые слова:** война, военная теория, военная история, тактика, победа, идентичность.*

Сегодня вряд ли найдется любитель военной истории во Франции и России, ни разу не задававший себе вопрос: «Кто же всё-таки выиграл Бородинское сражение?». Для жителей Великобритании и Германии, увлекающихся военной историей, актуальным остается вопрос: «Кто стал победителем в Ютландском морском сражении 1916 года?». Еще чаще возникают вопросы вида: «Стоил ли штурм Берлина советскими войсками в 1945 году тех высоких потерь, которые заплатила Красная армия и, если нет, следует ли считать его победой?» Очевидно, что эти вопросы продиктованы отнюдь не только и не столько исследовательским интересом, который они вызывают у профессиональных военных историков и военных теоретиков. Речь идет об экзистенциальном поиске или укоренении своего места в историческом пространстве государственно-национальной идентичности. И вот здесь, на стыке профессионального и любительского уровней военно-историко-теоретического дискурса возникают клубки концептуальной путаницы, требующие философского прояснения.

Начнем с условий функционирования профессионального военно-историко-теоретического дискурса, а именно с необходимой профессионалам системы правил. Проанализировав работы К. фон Калузевица, Г. Жомини, Г. Дельбрюка, А.Т. Мэхэна, М. ван Кревельда, Э. Лютвака, мы пришли к выводу, что в границах данного дискурса существует лишь три фундаментальных правила:

* **СТЕПАНОВ Иван Викторович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры философия и социально-гуманитарные науки ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет».

- войны меняют свой характер, но основополагающие законы ведения военных действий остаются неизменными (требование объективности);
- военно-исторический анализ является важным инструментом раскрытия действия этих законов;
- военно-теоретическая и военно-историческая оценка значимости и последствий события должна осуществляться в рамках многоуровневой военно-политической системы, формирующейся на основании знания фундаментальных законов.

Отставим в сторону критику или защиту диалектического характера приведенных правил (военно-исторический анализ раскрывает законы, но при этом сам основывается на многоуровневой системе, которая становится возможной лишь при наличии знания законов) и рассмотрим в качестве примеров три модели многоуровневых систем.

Одну из наиболее часто обсуждаемых моделей предложил Клаузевиц еще во второй четверти XIX века. Согласно Клаузевицу, хотя война и является продолжением политики, но саму политику ни в коем случае нельзя сводить к войне: «Война, конечно, имеет собственную грамматику, но не собственную логику» [1, с. 151]. Поэтому военные действия должны анализироваться лишь на двух уровнях – стратегическом и тактическом. Стратегию немецкий теоретик определяет как искусство сосредоточения сил в пространстве и времени театра военных действий, а тактику как управление армией на поле боя. При этом влияние «геометрического элемента» проявляется в стратегии в меньшей степени, чем в тактике.

Британский военный теоретик Лиддел Гарт в середине XX века предложил более сложную модель, в которой первый уровень составляет «военная политика», куда включаются вообще все виды взаимодействия между государствами, способные привести к военному конфликту. Второй уровень, относящийся собственно к ведению войны, Лиддел Гарт называет «большой стратегией»: «Роль большой, или высшей, стратегии заключается в том, чтобы координировать и направлять все ресурсы страны или группы стран на достижение политической цели войны – цели, которая определяется большой, или государственной, политикой. Большая стратегия должна выявить и от мобилизовать экономические и людские ресурсы страны или группы стран, чтобы обеспечить действия вооруженных сил [3, с. 415]. Третий уровень, составляющий искусство управления вооруженными силами в ходе войны, обозначается британским теоретиком как «военная стратегия». На четвертом уровне располагается тактика как искусство управления войсками во время боя: «Тактика охватывает область сражения (боя). Стратегия не только останавливается на границе, но для своего осуществления нуждается в том, чтобы боевые действия были сведены по возможности до минимума» [3, с. 417–418].

В 80-е годы XX века американский военный теоретик и политолог Эдвард Люттвак предложил технократическую модель анализа хода и результатов войн, где в качестве базового уровня выступает уровень развития техники, а тактика, оперативный уровень и стратегия театра военных действий играют роль надстройки. Если технический уровень воюющих сторон низок и единообразен, как например у двух воюющих туземных племен, дифференциация тактики, оперативного искусства, стратегии может вовсе отсутствовать. Особое место Люттвак отводит «большой стратегии», включающей взаимодействие всех акторов войны на всех уровнях: «Если взять другой образ, ухватывающий динамическую реальность нашего предмета, то большую стратегию можно рассматривать как слияние военных взаимодействий, протекающих вверх и вниз с одного уровня на другой и образующих «вертикальное» измерение стратегии, в то время как на поверхности мы видим различные отношения между государствами, образующие «горизонтальное» измерение стратегии» [5, с. 267].

На первый взгляд в рамках предложенных моделей достаточно легко оценить исход военного столкновения. Например, Бородинское сражение является тактической победой французов и стратегической победой русских, если следовать моделям Клаузевица и Лиддел Гарта. Или же, следуя Люттваку, мы можем заключить, что при равенстве технического уровня сторон Наполеон одержал победу на тактическом (русская армия отступила с поля боя) и оперативном (русские оставили Москву) уровнях, но потерпел поражение на уровне стратегии театра военных действий (поход 1812 года закончился для французов катастрофой) и, в целом, проиграл в рамках «большой стратегии» (Первая французская империя прекратила свое существование).

Однако проблема обстоит гораздо сложнее. Во-первых, ни у одного из военных теоретиков не определены рамки пространства военно-политической конкуренции акторов. Как правило, такое пространство произвольно сжимается и расширяется, в зависимости от идеологической позиции самого автора. Гораздо чаще оно именно расширяется, а все виды конкуренции сводятся к войне или подготовке к военным действиям. Например, Клаузевиц отказывался считать Бородино стратегической победой русских на том основании, что поход Великой армии в Россию был изначально обречен на провал, и для французской армии не существовало приемлемого стратегического решения, ведущего к победе.

Во-вторых, непосредственное физическое столкновение сторон, большинством военных теоретиков трактуется не только как взаимодействие тактического уровня, но, в первую очередь, как сущностное основание войны. Вновь процитируем Клаузевица: «Война по существу своему – бой, так как бой – единственный решающий акт многообразной деятельности, разумеющейся под широким понятием войны. Бой – это измерение духовных и физических сил путем взаимного столкновения сторон» [1, с. 124]. Главный со-

временный критик Клаузевица Кревельд в этой части солидарен с немецким теоретиком: «И прошлое, и будущее исчезают; в момент разрыва снаряда такие понятия, как «потому что» и «для того чтобы», попросту не существуют, тогда как тело и разум стремятся к полной концентрации, без которой человеку в этих обстоятельствах не выжить» [3, с. 237]. И даже Люттвак, выступая против затяжных миротворческих операций, приводящих к заморозке вооруженных конфликтов, аргументирует свою точку зрения тем, что подобные операции мешают сторонам разрешить конфликт кровавым, но быстрым и эффективным способом, ведущем в перспективе к меньшему числу потерь. Единственным крупным европейским военным теоретиком и историком, не заострявшим внимания на сражении, как сущностном основании войны, являлся Лиддел Гарт, но исключение в данном случае только подтверждает правило. В целом, мы согласны с Кревельдом: «В действительности война не начинается тогда, когда одни убивают других; она начинается тогда, когда те, кто убивают, рискуют сами быть убитыми» [3, с. 238]. Носителем угрозы смерти для субъекта, вовлеченного в военные действия, должен стать не абстрактный образ мира в лице природы или государства. Это должен быть другой субъект, обладающий физической телесностью и с точки зрения физической же телесности воспринимаемый. Несмотря на роботизацию войн, а также на затруднения, возникающие в связи с прямой физической визуализацией противника, опыт Осетинской войны 2008 года и Карабахской войны 2020 года скорее подтверждает теорию Кревельда.

Если две вышеуказанные проблемы не решаемы в рамках профессионального военно-историко-теоретического дискурса, хотя бы номинально стремящегося к научной объективности, то они тем более не проявляются в любительской среде. Оговоримся, что круг самих любителей ограничен людьми, выработавшими хоть какую-то позицию по вопросу поддержания государственно-национальной идентичности, даже если эта позиция носит гиперкритический характер. Индифферентное массовое большинство, с трудом черпающее сведения о военной истории своих стран из школьных программ и с легкостью эти сведения забывающее, к данной группе не относится.

Степень вовлеченности любителей в дискурс весьма различна. Как правило, она заметно ниже у тех, кто выступает за ограничение или даже разрушение государственно-национальной идентичности, обычно высказываясь в пользу защиты западных ценностей, выражающихся в неотъемлемых правах человека. Именно история западных ценностей для таких людей превращается в общечеловеческую историю, поскольку невозможно даже в рамках тренда «всепобеждающей толерантности» написать общечеловеческий исторический нарратив, уделив равное внимание истории всех идентичностей во всем мире на всем протяжении их существования. Данная аксиологическая позиция «любителей поневоле» обычно дополняется умеренным пацифизмом (войны неприемлемы, а сражения, наиболее ужасающая часть войн, но если и стоит рассматривать ка-

кие-то битвы, то только те, которые одержаны во имя западных ценностей, желательно, при небольших потерях со стороны победивших).

Для тех, кто пытается обустроиться в пространстве государственно-национальной идентичности, необходимо первоначально сформировать исторический нарратив о преемственности государственных форм и форм национального самосознания. Примерами могут служить следующие цепочки: Киевская Русь, Феодальная Русь, Монгольская Русь, Русское царство, Российская империя, СССР, Российская Федерация – для россиянина; Франкское королевство, Империя Карла Великого, королевство Франция, две французские империи и пять французских республик – для француза и т.д. Такая преемственность, с одной стороны, позволяет отделить своих от чужих, с другой же служит основанием уверенности в жизнеспособности государственно-национального организма и его возможностях преодоления кризисов (даже если с точки зрения профессиональных историков, социологов, политологов этот организм на ранних этапах становления не был ни государственным, ни национальным в современных значениях этих слов).

При этом войны являются важнейшим элементом формирования государственно-национальной идентичности, а прямое физическое столкновение с противником занимает привилегированное положение по отношению к другим уровням военного взаимодействия, воспринимаясь как крайняя степень напряжения духовных и физических сил представителей идентичности, к которой любитель военной истории себя причисляет. Приведем пример: в конце 90-х годов XX века в России вышла коллективная работа «100 великих битв», получившая широкое распространение. Среди отобранных авторами 80-и сражений мировой истории, приходившихся на Средние века, Новую и Новейшую эпохи, в 38-и принимали активное участие русские армия и флот. В двадцати шести из них Россия одержала решительные победы, семь закончились полными разгромами или крупными неудачами российских вооруженных сил, три (Доростол 971 года, Севастополь 1854–1855 годов, Порт-Артур 1905 года) завершились поражениями, которые тем не менее превратились в символ национального героизма и, наконец, два (Прейсиш-Эйлау 1807 года и Бородино 1812 года) имели своим результатом «славную боевую ничью». Таким образом, даже бесспорное поражение на тактическом (русские оставили Доростол, Севастополь, Порт-Артур), стратегическом (русские полностью очистили театры военных действий), политическом (во всех трех случаях был заключен крайне невыгодный мир) может служить элементом укрепления государственно-национальной идентичности (героическое деяние) [4, с. 145].

Исключением не является и отношение к потерям в ходе военных действий. Пример с Берлинской операцией 1945 года только подтверждает это, поскольку его трактуют и как недостаточный профессионализм Красной армии, приведший к неоправданным потерям, и как массовый героизм красноармейцев, сделавший возможным достижение великой победы. Что характерно, два данных тезиса могут в сознании любителя как сосуществовать параллельно

(и непрофессионализм, и героизм), так и противопоставляться друг другу (или непрофессионализм, или героизм). Разумеется, этими комбинациями число любительских выводов не ограничивается. Смысл слов «победа» и «поражение» сжимается и расширяется гораздо произвольнее по отношению к исторической ретроспективе, чем это делают профессиональные военные теоретики и историки. Например, поражение французской армии во время Вьетнамской войны в битве при Дьенбьенфу 1954 года многими представителями французской общественности воспринимается как победа, позволившая Франции отказаться от колониальной империи и демократизировать внутреннюю политику.

Подведем итоги. Определение победителей и побежденных в битвах является важнейшей частью военно-историко-теоретического дискурса на любительском и профессиональном уровнях, поскольку прямое физическое взаимодействие противников, выражающееся тезисом «защищая коллективное тело и убивая, рискуя быть убитым», позиционируется как основополагающая сущность военных конфликтов, а не просто как столкновение сторон в рамках тактики.

Профессиональные военные теоретики и историки, определяя исход сражения, соотносят его не только с социальной (как правило, государственно-национальной) идентичностью, но и с правилами разработанных ими самими военно-стратегических моделей. Однако даже опираясь на эти модели, исход и последствия многих сражений трактуется неоднозначно из-за невозможности четкого разграничения политики и военной стратегии. На любительском же уровне на первый план выходит коллективное образное переживание представлений о событиях прошлого, способствующее или не способствующее (это зависит от позиции человека) укреплению как конкретной государственно-национальной идентичности, так и защите государственно-национальной идентичности в качестве привилегированного вида среди других видов социальной идентичности.

Список литературы

1. Клаузевиц, К. О войне (1–4) / К. Клаузевиц; пер. с нем. А.К. Рачинского. – М.: РИМИС, 2009. – 400 с.
2. Кревельд, М. ван. Трансформация войны / М. ван Кревельд. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – 344 с.
3. Лиддел Гарт, Б. Стратегия не прямых действий / Бэзил Лиддел Гарт; пер. Б. Червякова, И. Козлова, Б. Любимова. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2008. – 464 с.
4. Степанов, И.В. Введение в философию войны / И.В. Степанов. – Саарбрюкен: LAMBERT, 2016. – 262 с.
5. Эдвард, Н. Люттвак. Стратегия: Логика войны и мира / Н. Эдвард. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. – 392 с.

BATTLES TO WIN IN BATTLES: MILITARY-HISTORICAL SYMBOLIZATION OF STATE-NATIONAL IDENTITY IN THE FRAMEWORK OF MILITARY-HISTORICAL-THEORETICAL DISCOURSE

I.V. Stepanov*

Samara State Technical University, Samara, Russia

E-mail: stivan1981@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to the critical analysis of the views of representatives of the military-historical and military-theoretical discourse on the issue of determining the outcome of battles and their consequences. Special attention is paid to clarifying the role of military victories for the formation of the symbolic field of state-national identity.*

Keywords: *war, military theory, military history, tactics, victory, identity.*

*STEPANOV Ivan Viktorovich – candidate of historical Sciences, associate Professor of the Department of philosophy, Samara state technical University.